

Торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР: эффекты интеграционных соглашений

Дмитрий Александрович

ИЗОТОВ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov80@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Целью исследования является долгосрочная оценка влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия между странами АТР в 1992–2023 гг. Определено, что на АТР приходится большая часть торговых и инвестиционных взаимодействий между странами мира, основным источником которых является внутрирегиональный обмен товарами и прямым капиталом. Показано, что по степени снижения торгово-экономических барьеров между странами выделяются поверхностные и глубокие интеграционные соглашения, лидирующее место в создании которых занимает АТР. На основе собранной из различных источников базы данных обмена товарами и капиталом между странами АТР в рамках гравитационного моделирования оценены долгосрочные накопленные эффекты поверхностных и глубоких интеграционных соглашений на торговлю и приток накопленных прямых иностранных инвестиций. Определено общее стимулирующее воздействие интеграционных соглашений на торговлю между странами АТР, способствующее ее увеличению в среднем на 21,9% при инвариантности влияния на приток прямых иностранных инвестиций. Установлено, что поверхностные интеграционные соглашения между странами АТР снижали приток прямых иностранных инвестиций на 47,5% и способствовали увеличению торговли на 46,0%. Выявлено, что глубокие интеграционные соглашения увеличили объем торговли между странами АТР на 15,5%, а приток прямых иностранных инвестиций – на 23,6%. Показано, что в рамках АТР поверхностные и глубокие интеграционные соглашения конфликтовали друг с другом для целей притока

Для цитирования: Изотов Д.А. (2025). Торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР: эффекты интеграционных соглашений // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 211–229. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.12

For citation: Izotov D.A. (2025). Trade and investment interactions in the Asia-Pacific Region: Effects of integration agreements. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 211–229. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.12

прямых иностранных инвестиций. В связи с подавлением этого притока торговлей товарами и более длительным функционированием поверхностных интеграционных соглашений их долгосрочный накопленный торговый эффект был выше, чем глубоких интеграционных соглашений. Глубокие интеграционные соглашения стимулировали обмен и товарами, и прямым капиталом между странами АТР, указывая на создание условий для комплементарности между торговлей и прямыми иностранными инвестициями в рамках более продвинутых форматов сближения для снижения издержек производственной кооперации. В отличие от торговли обмен прямыми иностранными инвестициями в АТР являлся более требовательным к имеющимся барьерам экономических взаимодействий, а также менее гибким по отношению к странам-реципиентам этих инвестиций.

Ключевые слова: торговля, прямые иностранные инвестиции, глубокие интеграционные соглашения, поверхностные интеграционные соглашения, гравитационная модель, интеграционный эффект, глобализация, регионализация, АТР.

Введение

Несмотря на текущее проявление протекционизма и фрагментации в глобальной экономике (Афонцев, 2020; Baldwin, Ruta, 2025), за последние более чем три десятилетия практически все страны мира достигли значительного прогресса в снижении барьеров экономических взаимодействий, в том числе на основе механизмов заключенных двух- и многосторонних интеграционных соглашений. При этом важнейшими элементами экономических взаимодействий между странами мира являются торговля товарами и обмен прямыми инвестициями (Larch, Yotov, 2023). В рамках современных интеграционных форм торговля товарами регулируется как на глобальном (ВТО), так и субглобальном (региональном) уровне. При этом обмен прямыми инвестициями между странами осуществляется только на основе региональных интеграционных соглашений. В связи с отсутствием возможностей создания более продвинутых форм интеграции на глобальном уровне за последние два десятилетия на региональном уровне стали все более отчетливо выделяться две крупные группы интеграционных соглашений (Mattoo et al., 2020; Larch, Yotov, 2024). Первая группа – поверхностные интеграционные соглашения, которые направлены на снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле в соответствии с принципами ВТО. Вторая группа – глубокие интеграционные соглашения, предполагающие более свободное движение товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов и технологий между странами, а также регулирование полномочий со стороны

государственных органов и контроль над экспортными портерами в целях защиты прав потребителей в странах-импортерах, что уже выходит за рамки ВТО. В условиях присоединения большинства стран мира к ВТО¹ стал наблюдаться процесс массового заключения глубоких интеграционных соглашений при наличии застойных тенденций в динамике поверхностных интеграционных соглашений.

Эмпирические оценки показывают, что две указанные группы интеграционных соглашений стимулировали глобальную торговлю (Mattoo et al., 2022; Park, 2025), при этом их влияние на прямые иностранные инвестиции (ПИИ)² было неоднозначным (Koh, Rojas-Romagosa, 2019; Larch, Yotov, 2023). С одной стороны, снижение только торговых барьеров в рамках поверхностных интеграционных соглашений способно оказывать сдерживающее воздействие на привлечение ПИИ, поскольку

¹ В связи со снижением тарифных барьеров в рамках режима наибольшего благоприятствования.

² Под ПИИ понимаются действия, осуществляемые резидентом зарубежной экономики (прямой инвестор или материнская компания) с целью установления долгосрочного интереса к предприятию, которое является резидентом в отечественной экономике (предприятие с прямыми инвестициями или зарубежный филиал). Долгосрочный интерес подразумевает наличие длительных отношений между прямым зарубежным инвестором и предприятием. Считается, что владение более 10% доли собственности предприятия является достаточным для влияния на его управление со стороны зарубежного инвестора. Подробно: Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock (Available at: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>).

в данном случае торговля замещает прямые инвестиции из-за рубежа (Koh, Rojas-Romagosa, 2020), для которых, в свою очередь, барьеры сохраняются. С другой стороны, помимо снятия ограничений в торговле, снижение других экономических барьеров способно оказывать стимулирующее воздействие как на торговые, так и инвестиционные взаимодействия между странами. В этом случае торговля товарами и обмен прямым капиталом являются комплементарными или дополняющими друг друга в рамках глубоких интеграционных соглашений (Anderson et al., 2019). Особенно важным данный аспект является для функционирования цепочек добавленной стоимости в глобальной экономике, увязывая приток ПИИ с последующим экспортом товаров, в том числе промежуточных (Martínez-Galán, Fontoura, 2019).

Среди крупнейших регионов мира значительное распространение глубоких интеграционных соглашений наблюдается в АТР³, на который приходилась большая часть мировой экономики – около 60% глобального ВВП в среднем за 1992–2023 гг.⁴ За последние четыре десятилетия главным стимулом для интеграционных процессов в АТР являлась производственная кооперация между странами Восточной Азии (Park, 2020) для стимулирования «вертикальной» торговли транснациональных корпораций (Hummels et al., 2001). Являясь «ядром» интеграционных процессов в АТР, страны Восточной Азии в целом способствовали дальнейшему распространению интегра-

ционных соглашений со странами Северной и Южной Америки, а также Австралии и Океании, снижая барьеры для торговли и притока ПИИ. Эмпирические исследования указывают на положительные эффекты от нивелирования барьеров обмена товарами и прямым капиталом в АТР (Lakatos, Walmsley, 2012; Bouët et al., 2012) для снижения издержек торгово-экономических взаимодействий (Pomfret, Sourdin, 2009; Kimura et al., 2021). В условиях внешнеполитического противостояния групп стран (Jackson, Shepotylo, 2023; Aiyar, et al., 2024; Потапов, 2025), а также в связи с имеющимися ограничениями для дальнейшей либерализации внешнеэкономических связей ряда экономик региона (Chaisse, Hsieh, 2023) в АТР за последнее время стали заметны признаки фрагментации экономического пространства с точки зрения противостояния Китая с рядом стран региона, что вылилось в создание Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП)⁵. Тем не менее данный процесс не привел к созданию закрытых торгово-экономических блоков, а напротив, стимулировал расширение интеграционных соглашений и создание «компромиссных» форматов в АТР, в частности Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП)⁶, смягчая возможные риски фрагментации.

Оценки долгосрочного сравнительного влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР недостаточно полно изучены, поскольку акцентированы преимущественно на странах Восточной Азии (Ing et al., 2019), не охватывая период современного внешнеполитического противостояния в регионе. Следует заметить, что относительно положительных торговых эффектов для ряда поверхностных интеграционных соглашений имеется некий скепсис (Herz, Wagner, 2011). Исходя из этого можно предположить, что в рамках АТР глубокие интеграционные соглашения способствовали большему расширению торговли между странами-участницами,

³ Следует заметить, что географические рамки АТР являются дискуссионными (Bollard, Mayes, 1992; Ravenhill, 2006). В настоящем исследовании АТР рассматривается в «широких границах», к которому отнесены более пятидесяти стран и экономических территорий: Австралия, Бруней, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, Кирибати, КНДР, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Маршалловы острова, Мексика, Монголия, Мьянма, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия, Новая Каледония, Острова Кука, Палау, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Самоа, Сингапур, Соломоновы острова, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Тувалу, Уоллис и Футуна, Федеративные штаты Микронезии, Фиджи, Филиппины, Французская Полинезия, Чили, Эквадор и Япония.

⁴ Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2025/april>

⁵ Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония.

⁶ Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, КНР, Корея, Лаос, Малайзия, Мьянма, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Япония.

в отличие от поверхностных интеграционных соглашений. Также можно предположить, что глубокие интеграционные соглашения стимулировали привлечение ПИИ, поскольку данный вид соглашений распространяет механизмы снижения барьеров на рынках факторов производства, ключевым из которых является капитал, то есть в рамках АТР для притока ПИИ при прочих равных условиях поверхностные и глубокие интеграционные соглашения могут быть конфликтующими. Опираясь на указанные предположения, нужно подчеркнуть важность того, каким образом соотносится влияние на торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР процессов глобализации и регионализации, а также насколько данное влияние дифференцировано для потоков товаров и капитала в рамках данного региона.

В связи с этим целью настоящего исследования является долгосрочная оценка влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия между странами АТР. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики торговли, ПИИ и интеграционных соглашений в АТР; 2) формирование массива данных и выбор методики оценки; 3) оценка долгосрочного влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия между странами АТР. В рамках настоящего исследования оценка влияния интеграционных соглашений на приток прямых инвестиций из-за рубежа строилась на основе накопленных ПИИ⁷, которые по сравнению с потоковыми значениями характеризуются меньшей волатильностью и содержат гораздо меньше нулевых и отрицательных значений (Кох et al., 2020). Эффекты от притока ПИИ распространяются на экономику страны-реципиента зарубежного капитала и являются более комплексными по сравнению с оттоком капитала, способствуя в целом

⁷ Потоки ПИИ формируют соответствующие сделки, зарегистрированные в течение отчетного периода, которые состоят из приобретения или продажи акционерного капитала, реинвестирования прибыли и межфирменной задолженности. В свою очередь накопленные ПИИ представляют собой накопленный стоимостной объем ПИИ, зафиксированный в конце отчетного периода.

увеличению емкости ее рынка, созданию производств, в том числе экспортных, привлечению технологий, увеличению занятости и доходов населения (Hassan, 2022). Во избежание двойного счета торговые взаимодействия оценивались по потоку обоюдного экспорта между странами АТР. Исследование охватывает 1992–2023 гг.

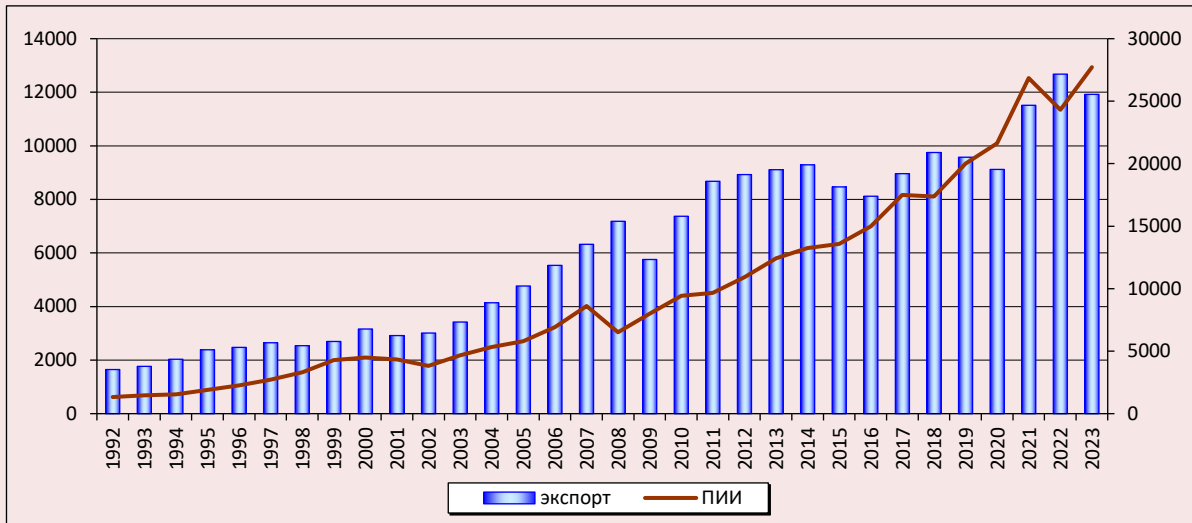
Торгово-инвестиционные взаимодействия и интеграционные соглашения между странами АТР

За рассматриваемый период существенно возросли торгово-инвестиционные взаимодействия между странами АТР. Суммарный экспорт из стран АТР увеличился в текущих ценах более чем в 7 раз – с 1,6 трлн долл. в 1992 году до 11,9 трлн долл. в 2023 году, а накопленный приток ПИИ в страны региона почти в 21 раз – с 1,3 трлн до 27,7 трлн долл. соответственно (рис. 1).

На страны АТР в 2023 году приходилась половина мирового экспорта, увеличившись на 7 п. п. по сравнению с 1992 годом. При этом доля внутрирегионального экспорта возросла на 10 п. п. – с 61,4% в 1992 году до 71,4% в 2023 году, что указывает на усиление торговой взаимозависимости стран АТР (рис. 2).

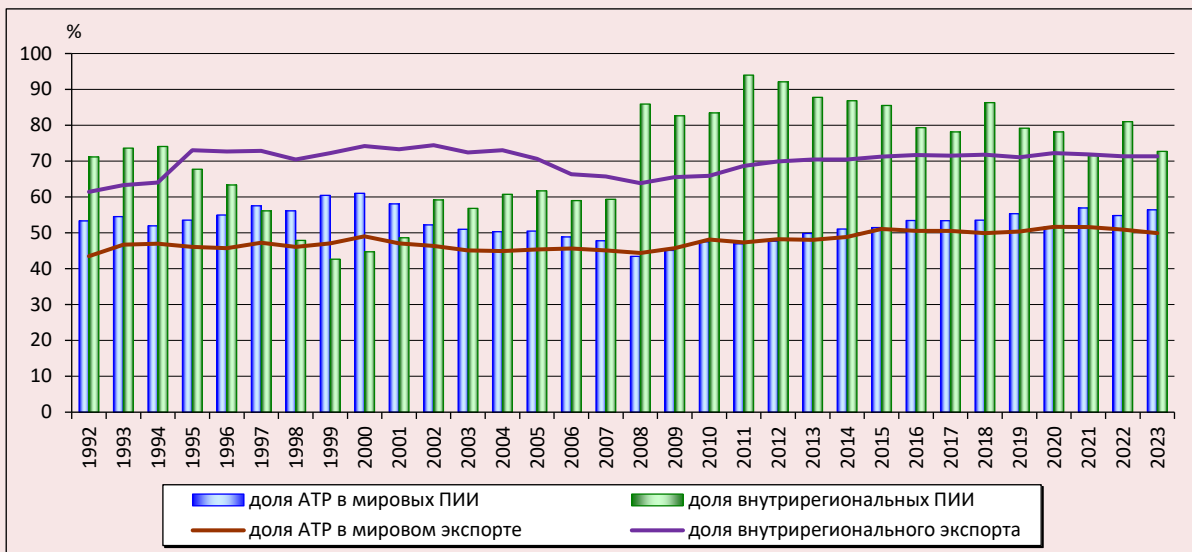
В результате внутрирегиональный экспорт АТР увеличился в 8,5 раза: с 1,0 трлн долл. в 1992 году до 8,5 трлн долл. в 2023 году. Также наблюдалось возрастание доли стран АТР в накопленных привлеченных ПИИ в мире – с 53,3% в 1992 году до 56,4% в 2023 году. Доля стран АТР в глобальном притоке ПИИ имела тенденцию к увеличению за исключением начала 2020-х гг. (пандемия COVID-19 и обострение внешнеполитических рисков) (Изотов, 2024). Приток ПИИ в страны АТР формировали внутрирегиональные инвестиции, стоимостной объем которых вырос более чем в 21 раз – с 0,9 трлн долл. в 1992 году до 20,2 трлн долл. в 2023 году. При этом наблюдалась заметная волатильность доли внутрирегионального притока ПИИ. Несмотря на то что с начала 2010-х гг. фиксировалась тенденция увеличения доли прямых инвестиций из стран, расположенных за рамками данного региона, тем не менее в среднем за рассматриваемый период на внутрирегиональные источники приходилось более 70% притока ПИИ в АТР.

Рис. 1. Экспорт (левая ось) и приток ПИИ (правая ось) стран АТР, млрд долл.

Источники: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: [http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>](http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade%20Structure)

Рис. 2. Торговля и инвестиции АТР: доля в мировой экономике и доля внутрирегиональных потоков, %

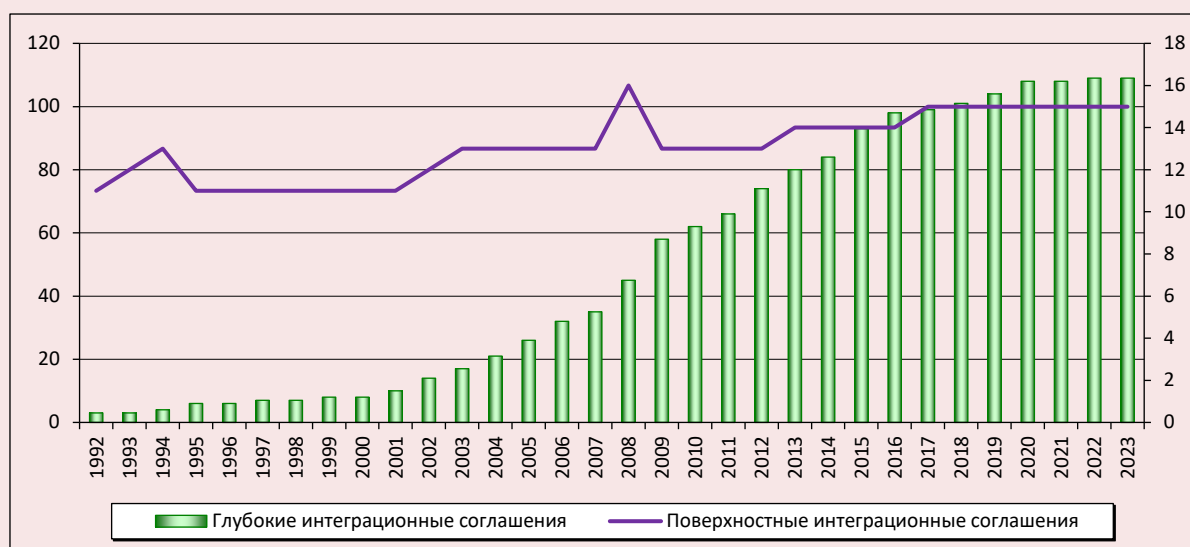

Рассчитано по: FDI Bilateral Statistics / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx> (дата обращения 14.06.2017); FDI database / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/fdistatistics> (дата обращения 01.02.2020); Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>; FDI Flows / OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/fdi-flows.html>; Foreign Direct Investment Statistics: Data, Analysis and Forecasts. URL: <https://mneguidelines.oecd.org/statistics.htm>; OECD International Direct Investment Statistics. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-international-direct-investment-statistics_2307437x.html; IMF Coordinated Direct Investment Survey (CDIS) / IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5>; Foreign Direct Investment Trends and Statistics / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/direct-investment#sort=%40imfdate%20descending>; Statistics of Foreign Direct Investment in ASEAN. Stocks of Inward Foreign Direct Investment (FDI) at year-end, by source country. URL: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources-stock> (дата обращения: 01.03.2025); CEIC Database. URL: <https://www.ceicdata.com>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: [http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>](http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade%20Structure)

Обмен товарами и капиталом в рамках АТР являлся основным источником внешнеэкономических взаимодействий стран региона. Данные взаимосвязи в АТР основывались на снижении различного рода барьеров, в том числе в связи с заключением двух- и многосторонних интеграционных соглашений, которые разделяются на глубокие и поверхностные. Вплоть до начала 2000-х гг. поверхностные интеграционные соглашения играли основную роль в рамках процесса регионализации в АТР. К ним относились соглашения, главным образом направленные на снижение барьеров в торговле товарами, т. е. частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС)⁸, зоны свободной торговли (ЗСТ)⁹ и таможенные союзы (ТС)¹⁰. Однако далее поверхностные интеграционные соглашения уступили место более продвинутым интеграционным формам (рис. 3).

С первой половины 2000-х гг. принципиально новым процессом в АТР стало увеличение числа заключенных ЗСТ в расширенном формате (ЗСТ+), которые по всем формальным признакам относились к глубоким интеграционным соглашениям. Стал наблюдаться процесс создания многосторонних ЗСТ+, например ВПТТП и ВРЭП, которые занимают заметную долю в торговом и инвестиционном обмене между странами АТР¹¹. Возможное присоединение других стран АТР к ВРЭП и ВПТТП увеличивает возможности для наращивания их торгового и инвестиционного потенциала (Petri, Abdul-Raheem, 2014; Park et al., 2021). Следует также заметить, что отдельные поверхностные интеграционные соглашения между странами АТР по мере присоединения к ним новых членов и внесения дополнений стали переходить в категорию глубоких интегра-

Рис. 3. Глубокие (левая ось) и поверхностные (правая ось) интеграционные соглашения между странами АТР, ед.

Примечание: данные приведены накопленным итогом.

Источники: Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force. Available at: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>; Deep Trade Agreements database 2.0 (vertical depth). Available at: <https://datatopics.worldbank.org/dta/table.html>

⁸ При ЧТС страны снижают тарифные барьеры на конкретные товарные группы.

⁹ ЗСТ предполагает сокращение тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам.

¹⁰ При ТС страны вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

¹¹ В 2023 году на торговлю между странами ВРЭП приходилось 32% торговли и 26% притока ПИИ в АТР, а на ВПТТП – 7 и 10% соответственно.

ционных соглашений, которые в ряде случаев непродолжительное время функционировали как поверхностные, но, как правило, в рамках переходного периода.

С точки зрения функциональной направленности глубокие интеграционные соглашения способствуют как торговым, так и инвестиционным взаимодействиям между странами АТР. Поверхностные интеграционные соглашения стимулируют только обмен товарами, поскольку они создавались главным образом между развивающимися странами, а ПИИ в страны АТР поступали из развитых экономик, что в определенной степени могло сдерживать возможности для обмена капиталовложениями в рамках этой формы интеграции. При этом в рамках анализируемого периода ряд стран, заключивших поверхностные интеграционные соглашения, были развитыми либо с высоким доходом на душу населения¹², активно направляли прямые инвестиции в другие страны АТР. Поэтому влияние поверхностных интеграционных соглашений на приток ПИИ является как минимум неоднозначным, требуя получения количественной оценки для более точного утверждения.

Методика оценки и данные

Методика оценки. За последние два десятилетия развитие гравитационных моделей для оценки влияния интеграционных соглашений на торгово-экономические взаимодействия между странами достигло существенного прогресса (Larch et al., 2025). В соответствии с накопленными эмпирическими оценками влияния интеграционных факторов на торгово-экономические взаимодействия между странами в рамках структурных гравитационных моделей выработаны конкретные рекомендации для проведения количественных расчетов соответствующих эффектов. Во-первых, на основе массива панельных данных для корректной оценки влияния фиктивных переменных на зависимую переменную в модель включаются фиксированные эффекты для страны-экспортера/импортера с учетом времени для контроля многостороннего сопротивления¹³ и фиксированные эффекты для всех взаимодействующих

пар стран — для учета влияния всех независимых от времени двусторонних издержек (Yotov et al., 2016). Во-вторых, оценка зависимости строится в мультипликативной форме (квази-максимальное правдоподобие Пуассона) для включения нулевых значений в массив во избежание проблемы гетероскедастичности и ошибок спецификации модели из-за неверно подобранной функции (Santos Silva, Tenreiro, 2006). В-третьих, в панель включаются внутренние торгово-инвестиционные взаимодействия, т. е. отечественный рынок товаров и накопленных отечественных прямых инвестиций для контроля отклонения торговых (Yotov, 2022) и инвестиционных (Koh, Rojas-Romagosa, 2020) потоков стран в пользу их внутренних рынков и для устранения искажающего влияния глобальных факторов. Указанные рекомендации значительно упростили оценку эффектов интеграционных соглашений, определяющих торговые и инвестиционные взаимодействия стран.

Поскольку в долгосрочном периоде воздействие интеграционных соглашений является отложенным (Yotov et al., 2016; Borghi et al., 2024), в настоящем исследовании были оценены только накопленные эффекты данных соглашений на торговлю и приток ПИИ. Так, накопленный эффект интеграционных соглашений для торговли оценивался на основе зависимости:

$$X_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (1)$$

где:

X_{ij} — экспорт из страны i в страну j (долл. США);

$TREAT_{ij}$ — фиктивная переменная, отражающая наличие/отсутствие интеграционного соглашения между i и j ;

$INTL(T)_{ij}$ — фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице для обмена между странами для каждого года T и нулевое — для внутристранового обмена товарами (1) и ПИИ (2);

¹² Сингапур, Республика Корея (далее — Корея), Япония, Австралия, Новая Зеландия, КНР, Малайзия.

¹³ Все двусторонние переменные издержки, с которыми сталкиваются страна-экспортер/донор и страна-импортер/реципиент соответственно.

β_0 – константа;

$\sum \beta_n$ – значение накопленного эффекта интеграционного соглашения;

β_T – совокупные барьеры в торговых взаимодействиях между странами;

t – временной промежуток;

n – временной лаг (5 лет);

π_i – фиксированные эффекты для страны-экспортера с учетом года;

χ_j – фиксированные эффекты для страны-импортера с учетом года;

μ_{ij} – фиксированные эффекты для пар взаимодействующих стран;

ε – ошибка.

Накопленный эффект интеграционных соглашений для притока ПИИ рассчитывался следующим образом:

$$FDI_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \gamma_{it} + \omega_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (2)$$

где:

FDI_{ij} – приток накопленных ПИИ в страну i из страны j (долл. США);

β_T – совокупные барьеры в инвестиционных взаимодействиях между странами;

γ_i – фиксированные эффекты для страны-донора ПИИ с учетом года;

ω_j – фиксированные эффекты для страны-реципиента ПИИ с учетом года.

Далее для определения эффектов глобализации, т. е. исключая воздействие региональных интеграционных соглашений по аналогии с ранее проведенным исследованием (Изотов, 2020), была получена оценка совокупных накопленных эффектов интеграции для торговли и инвестиций.

Оценка совокупного накопленного эффекта интеграции для торговли производилась следующим способом:

$$X_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (3)$$

В свою очередь оценка совокупного накопленного эффекта интеграции для притока ПИИ строилась в рамках следующего выражения:

$$FDI_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \gamma_{it} + \omega_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (4)$$

Разница $\sum \beta_n$ между (3) и (1) отражает значение накопленного эффекта интеграции в рамках процесса глобализации для торговли, а между (4) и (2) – для притока ПИИ. Для лаконичного изложения переменная $TREAT_{ij}$ (1)–(4) включала в себя:

PTA_{ij} – фиктивная переменная наличия/отсутствия любого интеграционного соглашения (как глубокого, так и поверхностного) между i и j ;

DTA_{ij} – фиктивная переменная наличия/отсутствия глубокого интеграционного соглашения между i и j ; $NONDTA_{ij}$ – фиктивная переменная наличия/отсутствия поверхностного интеграционного соглашения между i и j .

Данные. В рамках зависимой переменной FDI использовалась статистика, отражающая стоимостные объемы взаимных накопленных ПИИ в АТР и их внутренние отечественные инвестиции. При формировании массива накопленных ПИИ основная сложность состояла в отсутствии единой базы статистических данных, в которой были бы представлены стоимостные объемы взаимных накопленных прямых инвестиций между странами АТР. В большинстве источников статистика накопленных прямых инвестиций между странами АТР представлена в неполном объеме, поэтому формирование массива зависимой переменной FDI производилось из разных источников, основу которых составили данные из международных баз данных: ООН¹⁴, ОЭСР¹⁵, Всемирного банка

¹⁴ FDI Bilateral Statistics. UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx> (дата обращения: 14.06.2017); FDI database. UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/fdistatistics> (дата обращения: 01.02.2020).

¹⁵ OECD FDI Flows. Available at: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/fdi-flows.html>; Foreign Direct Investment Statistics: Data, Analysis and Forecasts. Available at: <https://mneguidelines.oecd.org/statistics.htm>; OECD International Direct Investment Statistics. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-international-direct-investment-statistics_2307437x.html

(Steenbergen et al., 2022), МВФ¹⁶ и СЕИС¹⁷. В случае обнаружения пропусков в статистике взаимных накопленных прямых инвестиций их значения либо заполнялись данными из других источников (СЕРИИ¹⁸; АСЕАН¹⁹; центральные банки, статистические бюро, профильные министерства и инвестиционные агентства стран и экономических территорий АТР, а также прочие международные организации и аналитические агентства²⁰), либо в некоторых случаях оценивались с помощью скользящей средней. Эпизодичные отрицательные значения накопленных ПИИ приравнивались к нулю (Кох, Rojas-Romagosa, 2020).

В массив зависимой переменной *FDI* были включены данные, характеризующие стоимостные объемы накопленных инвестиций в основные фонды в рамках стран АТР за вычетом накопленных ПИИ по аналогии с рекоменда-

циями оценки гравитационных зависимостей для торговли (Yotov et al., 2016). Для рассматриваемого периода статистика внутренних накопленных инвестиций в основные фонды была аккумулирована как из специальных баз данных²¹, так и статистических бюро стран АТР. Так как по некоторым странам АТР²² не найдена статистика по внутренним накопленным инвестициям в основные фонды, данные экономики были исключены из оцениваемой панели²³. В итоге, как и в ранее проведенном исследовании (Изотов, 2023), в панель вошли 36 экономик АТР²⁴.

Для сопоставимости результатов панель по торговому взаимодействию в АТР включала этот же набор стран региона. Соответственно, в рамках зависимой переменной *X* использовалась статистика, отражающая стоимостные объемы торговли стран АТР друг с другом и их внутренней торговли. Значения внутренней торговли стран были получены как разница между стоимостным объемом произведенных товаров в национальной экономике и экспортом (Campos et al., 2021; Изотов, 2023а; Изотов, 2023с). Стоимостные объемы произведенной в экономиках АТР продукции были собраны из специальных баз статистических данных (UNIDO²⁵, СЕРИИ²⁶, СЕИС, FAO (ООН)²⁷, UNCTAD²⁸,

¹⁶ IMF Coordinated Direct Investment Survey (CDIS). Available at: <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5>; Foreign Direct Investment Trends and Statistics. IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/direct-investment#sort=%40imfdate%20descending>

¹⁷ CEIC Database. Available at: <https://www.ceicdata.com>

¹⁸ FDI Map. СЕРИИ. Available at: https://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/bdd_modele_item.asp?id=4

¹⁹ Statistics of Foreign Direct Investment in ASEAN. Stocks of Inward Foreign Direct Investment (FDI) at year-end, by source country. Available at: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources-stock>

²⁰ Центробанк России; Australian Bureau of Statistics; Brunei Darussalam Department of Economic Planning and Statistics; Vale Columbia Center on Sustainable International Investment; Foreign Investment Committee of Chile; Kingdom of Cambodia Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation; Canada Department of Foreign Affairs and International Trade; Canada Department of Statistics; Singapore Department of Statistics; Central Bank of Malaysia; Malaysia Department of Statistics; Bank of Japan; JETRO; Japan Ministry of Finance; Central Bank of Ecuador; Ministry of Commerce People's Republic of China; Taiwan Ministry of Economic Affairs; Central Bank of Philippines; Bank of Thailand; Thailand Board of Investment; Bureau of Economic Analysis; Export-Import Bank of Korea; New Zealand Department of Statistics; Myanmar Directorate of Investment and Company Administration; National Statistical Office of Mongolia; Macau Statistics and Census Service; Laos Investment Promotion Department; Indonesia Investment Coordinated Board; Hong Kong Census and Statistics Department; Vietnam General Statistical Office; Statista; Institute for International Political Economy; Bank for International Settlements и т. д. В некоторых случаях поиск необходимых показателей велся в сети Интернет с помощью средств искусственного интеллекта (DeepSeek и ChatGPT).

²¹ United States International Trade Commission (USITC). Available at: <https://www.usitc.gov/data/gravity/mreid.htm>

²² Вануату, Восточный Тимор, Кирибати, КНДР, Маршалловы острова, Науру, Новая Каледония, Палау, Острова Кука, Самоа, Соломоновы острова, Тувалу, Уоллис и Футуна, Федеративные штаты Микронезии, Французская Полинезия.

²³ Это не является критичным, поскольку их суммарная доля в рамках АТР во входящих накопленных ПИИ составляла менее 0,1%.

²⁴ Австралия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония.

²⁵ UNIDO Statistics. Available at: <https://stat.unido.org/>

²⁶ СЕРИИ Database. Available at: http://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/bdd_modele.asp

²⁷ FAOSTAT. Available at: <https://www.fao.org/statistics/en/>

²⁸ UNCTADstat. Available at: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Всемирного банка²⁹), а также статистических ведомств стран региона. Статистические данные по взаимному экспорту между странами АТР были заимствованы из баз данных UNCTAD, Всемирного банка, CEIS и RIETI³⁰.

Для построения массива фиктивных переменных в качестве интеграционных соглашений между странами АТР использованы данные о наличии либо отсутствии глубоких и поверхностных соглашений из базы данных Всемирного банка³¹ и ВТО³². Как ранее упоминалось, некоторые интеграционные соглашения в рамках долгосрочного периода переходили из статуса поверхностных в статус глубоких соглашений, что было учтено при формировании массива. Также в рамках многосторонних соглашений учтена разница во времени (отложенное, мгновенное) присоединения стран к интеграционным механизмам данных соглашений.

К глубоким интеграционным соглашениям (DTA) между странами АТР были отнесены (если иное не обозначено, то в формате ЗСТ+ (Изотов, 2023с): ЧТС+ Латиноамериканская ассоциация интеграции³³ (1981 г.); ТС Андское сообщество наций³⁴ (1988 г.); Австралия и Новая Зеландия (1989 г.); Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)³⁵ (1994–2020 гг.); Колумбия – Мексика (1995 г.); Канада – Чили (1997 год); ЗСТ АСЕАН (АФТА)³⁶ (1992–1995 гг.); Чили – Мексика (1999 г.); Центральная Америка³⁷ (2001 г.); Новая Зеландия – Сингапур (2001 г.); Чили – Коста-Рика (2002 г.);

Чили – Сальвадор (2002 г.); Япония – Сингапур (2002 г.); ЗСТ Канада – Коста-Рика (2002 г.); КНР – Гонконг (2003 г.); КНР – Макао (2003 г.); Панама – Сальвадор (2003 г.); Сингапур – Австралия (2003 г.); Панама – Тайвань (2004 г.); Республика Корея (далее – Корея) – Чили (2004 г.); США – Чили (2004 г.); США – Сингапур (2004 г.); АСЕАН – КНР (2005 г.)³⁸; США – Австралия (2005 г.); Таиланд – Австралия (2005 г.); Таиланд – Новая Зеландия (2005 г.); Япония – Мексика (2005 г.); Центральная Америка – США (2006 г.)³⁹; Гватемала – Тайвань (2006 г.); Япония – Малайзия (2006 г.); Панама – Сингапур (2006 г.); Корея – Сингапур (2006 г.); Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство⁴⁰ (2006 г.); Чили – КНР (2007 г.); Япония – Таиланд (2007 г.); Чили – Япония (2007 г.); Бруней – Япония (2008 г.); Чили – Гондурас (2008 г.); КНР – Новая Зеландия (2008 г.); Сальвадор – Гондурас – Тайвань (2008 г.); Япония – Индонезия (2008 г.); Япония – Филиппины (2008 г.); Никарагуа – Тайвань (2008 г.); Панама – Коста-Рика (2008 г.); Панама – Чили (2008 г.); АСЕАН – Япония (2008 г.)⁴¹; АСЕАН – Корея (2009 г.); Перу – Чили (2009 г.); Перу – Сингапур (2009 г.); Панама – Гватемала (2009 г.); Панама – Гондурас (2009 г.); Панама – Никарагуа (2009 г.); Япония – Вьетнам (2009 г.); США – Перу (2009 г.); КНР – Сингапур (2009 г.); Колумбия – страны Северного треугольника (Сальвадор, Гватемала, Гондурас) (2009 г.); Австралия – Чили (2009 г.); Канада – Перу (2009 г.); Чили – Колумбия (2009 г.); АСЕАН – Австралия – Новая Зеландия (2010 г.)⁴²; Чили – Гватемала (2010 г.); Новая Зеландия – Малайзия (2010 г.); Перу – КНР (2010 г.); Перу – Корея (2011 г.); Канада – Колумбия (2011 г.); КНР – Коста-Рика (2011 г.); Гонконг – Новая Зеландия (2011 г.); Япония – Перу (2012 г.); Чили – Никарагуа (2012 г.); Панама – Перу (2012 г.); Перу – Мексика (2012 г.); Корея – США (2012 г.); США – Колумбия (2012 г.); США – Панама (2012 г.);

²⁹ WITS. World Integrated Solution. Available at: <https://wits.worldbank.org/>

³⁰ RIETI-TID. Available at: <https://www.rieti.go.jp/en/projects/rieti-tid/index.html>

³¹ Deep Trade Agreements database 2.0 (vertical depth). Available at: <https://datatopics.worldbank.org/dta/table.html>

³² Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force. Available at: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>

³³ ЧТС в расширенном формате. Мексика – Перу (с 2011 года); Эквадор – Колумбия (с 2016 года); Чили – Колумбия (с 2009 года); Чили – Перу (с 2008 года); Мексика – Колумбия (с 1994 года); Мексика – Чили (с 2000 года).

³⁴ Только Эквадор – Перу (2016 г.).

³⁵ США, Мексика, Канада.

³⁶ С 1993 года Бруней, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Индонезия, Таиланд. Все остальные страны АСЕАН – с 1995 года.

³⁷ Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор. Панама присоединилась к соглашению с 2003 года.

³⁸ Бруней – КНР (2005 г.); Камбоджа – КНР (2005 г.); Индонезия – КНР (2005 г.).

³⁹ Коста-Рика – США (2009 г.).

⁴⁰ Бруней, Новая Зеландия, Сингапур, Чили.

⁴¹ Камбоджа – Япония (2010 г.); Мьянма – Япония (2010 г.).

⁴² ЗСТ+ с Индонезией – с 2012 года, с Лаосом и Камбоджей – с 2011 года.

ЗСТ Чили – Малайзия (2012 г.); Малайзия – Австралия (2013 г.); Мексика – Центральная Америка (2013 г.); Новая Зеландия – Тайвань (2013 г.); Канада – Панама (2013 г.); Коста-Рика – Перу (2013 г.); Коста-Рика – Сингапур (2013 г.); ЗСТ Чили – Вьетнам (2014 г.); Канада – Гондурас (2014 г.); Корея – Австралия (2014 г.); Сингапур – Тайвань (2014 г.); Корея – Новая Зеландия (2015 г.); Корея – Вьетнам (2015 г.); Мексика – Панама (2015 г.); Австралия – КНР (2015 г.); Канада – Корея (2015 г.); Чили – Таиланд (2015 г.); КНР – Корея (2015 г.); Гонконг – Чили (2015 г.); Япония – Австралия (2015 г.); Коста-Рика – Колумбия (2016 г.); Россия⁴³ – Вьетнам (2016 г.); Япония – Монголия (2016 г.); Корея – Колумбия (2016 г.); Тихоокеанский Альянс⁴⁴ (2016 г.); Перу – Гондурас (2017 г.); ВПТТП (2018 г.); Гонконг – Макао (2018 г.); АСЕАН – Гонконг (2019 г.); Корея – Центральная Америка (2019 г.)⁴⁵; ЗСТ Чили – Индонезия (2019 г.); Перу – Австралия (2020 г.); Гонконг – Австралия (2020 г.); Индонезия – Австралия (2020 г.); Тихоокеанское соглашение о тесных экономических отношениях⁴⁶ (2020 г.); США – Мексика – Канада (ЮСМКА) (2020 г.); ВРЭП (2022 г.).

Поверхностные интеграционные соглашения (*NONDTA*) между странами АТР включали: ТС Центральноамериканский общий рынок⁴⁷ (1961–2012 гг.); ЧТС Протокол о торговых переговорах⁴⁸ (1973 г.); ЧТС Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение⁴⁹ (1976 г.); ЗСТ Австралия – Папуа-Новая Гвинея (1977 г.); ЧТС+Латиноамериканская ассоциация интеграции⁵⁰ (1981 г.); ЧТС Южнотихоокеанское соглашение о региональной торговле и экономиче-

ском сотрудничестве⁵¹ (1981 г.); ЧТС Эквадор – Мексика (1983 г.); ТС Андское сообщество наций⁵² (1988 г.); ЧТС Глобальная система торговых преференций⁵³ (1989 г.); ЧТС Лаос – Таиланд (1991–1994 гг.); ЗСТ АСЕАН (1992–1994 г.); ЧТС Меланезийская инициативная группа⁵⁴ (1994 г.); ЧТС Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение – КНР (2002 г.)⁵⁵; ЗСТ Торговое соглашение между островными тихоокеанскими странами⁵⁶ (2003 г.); ТС Центральная Америка – Панама (2013 г.); ЧТС Сальвадор – Эквадор (2017 г.); ЗСТ+ Бруней – Япония (только 2008 г.); ЗСТ+ Япония – Индонезия (только 2008 г.); АСЕАН – Япония (только 2008 г.)⁵⁷.

Суммарный показатель, отражающий принадлежность интеграционных соглашений к глубоким и поверхностным форматам, – *РТА*. Во избежание получения некорректных оценок (Baldwin, Taglioni, 2007) стоимостные показатели, отражающие обоюдную и внутреннюю торговлю, а также накопленные ПИИ и внутренние отечественные инвестиции были представлены в текущих ценах (Изотов, 2023с).

⁵¹ Австралия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Тонга, Фиджи. ЧТС Австралия, Новая Зеландия – Тонга (до 2020 года).

⁵² Колумбия, Эквадор – Перу (до 2016 года).

⁵³ Вьетнам, Индонезия, Колумбия, Корея, Малайзия, Мексика, Мьянма, Никарагуа, Перу, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Чили, Эквадор. Чили – Индонезия (до 2019 года); Чили – Корея (до 2003 года); Чили – Малайзия (до 2011 года); Чили – Мексика (до 1999 года); Чили – Сингапур (до 2005 года); Чили – Таиланд (до 2015 года); Чили – Вьетнам (до 2013 года); Колумбия – Чили (до 2008 года); Колумбия – Корея (до 2016 года); Колумбия – Мексика (до 1994 года); Колумбия – Перу (до 2013 года); Индонезия – Чили (до 2019 года); Индонезия – Корея (до 2008 года); Корея – Малайзия (до 2008 года); Индонезия – Мьянма (до 2008 года.); Корея – Никарагуа (до 2019 года); Корея – Перу (до 2011 года); Корея – Филиппины (до 2008 года); Корея – Сингапур (до 2005 года); Корея – Таиланд (до 2008 года); Корея – Вьетнам (до 2008 года); Малайзия – Мексика (до 2018 года); Малайзия – Перу (до 2018 года); Мексика – Никарагуа (до 2012 года); Мексика – Перу (до 2011 года); Мексика – Сингапур (до 2018 года); Мексика – Вьетнам (до 2018 года); Перу – Сингапур (до 2009 года); Перу – Вьетнам (до 2018 года).

⁵⁴ Папуа-Новая Гвинея, Фиджи.

⁵⁵ КНР – Корея (2002 – 2015 гг.); КНР – Лаос (2002–2004 гг.).

⁵⁶ Папуа-Новая Гвинея, Тонга, Фиджи. ЗСТ Папуа-Новая Гвинея – Тонга (до 2020 года).

⁵⁷ Япония – Лаос (только 2008 г.).

⁴³ Как страна-участница Евразийского экономического союза.

⁴⁴ Колумбия, Мексика, Перу, Чили.

⁴⁵ Панама – Корея (2021 г.).

⁴⁶ Австралия, Новая Зеландия, Тонга.

⁴⁷ Коста-Рика – Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор (до 2001 года); Коста-Рика – Панама (до 2008 года); Сальвадор – Панама (до 2002 года); Никарагуа – Панама (до 2009 года).

⁴⁸ Корея, Мексика, Перу, Чили, Филиппины. ЧТС Мексика – Чили (до 1999 года).

⁴⁹ Корея – Лаос (до 2008 года).

⁵⁰ Мексика – Перу (до 2011 года); Чили–Эквадор (1981 г.); Эквадор – Колумбия (до 2016 года); Чили–Колумбия (до 2009 года); Чили–Перу (до 2008 года); Мексика – Колумбия (до 1994 года); Мексика – Чили (до 2000 года).

В случае если интеграционное соглашение вступило в силу в первом полугодии текущего года, оно было отнесено к текущему году, если во втором, то к следующему (Изотов, 2023с). Для облегчения получения количественных оценок рассматривались интервальные значения панельных данных с лагом в пять лет (1992 г.⁵⁸, 1995, 1999, 2003, 2007, 2011, 2015, 2019 и 2023 гг.). В результате настоящее исследование охватывает 11502 наблюдения.

Результаты оценки

Проведенная оценка подтвердила стимулирующее воздействие рассматриваемых соглаше-

ний на торговлю между странами АТР в рамках процесса регионализации. Страны, которые заключили интеграционные соглашения (РТА), торговали на 21,9% больше по сравнению с теми национальными экономиками, которые их не заключали. Однако влияние на приток ПИИ интеграционных соглашений без их разделения на глубокие и поверхностные не было статистически значимым, указывая на инвариантность влияния данного инструмента внешнеэкономической политики для активизации инвестиционных взаимодействий между странами АТР (табл. 1).

Таблица 1. Результаты оценок (3) и (4)

Переменная	X			FDI		
	1	2	3	4	5	6
РТА	0,20*** (0,05)	–	–	0,08 (0,10)	–	–
DTA	–	0,14*** (0,05)	–	–	0,21** (0,09)	
NONDTA	–	–	0,38*** (0,17)	–	–	-0,65*** (0,23)
Δ, %	21,9	15,5	46,0	–	23,6	-47,5
INTL ₁₉₉₂	-0,78*** (0,06)	-0,81*** (0,06)	-0,90*** (0,06)	1,50*** (0,12)	1,57*** (0,12)	1,47*** (0,10)
INTL ₁₉₉₅	-0,52*** (0,06)	-0,54*** (0,06)	-0,60*** (0,05)	0,19* (0,10)	0,24** (0,09)	0,22** (0,09)
INTL ₁₉₉₉	-0,37*** (0,05)	-0,38*** (0,05)	-0,45*** (0,05)	-0,03 (0,10)	-0,02 (0,10)	-0,05 (0,10)
INTL ₂₀₀₃	-0,37*** (0,05)	-0,38*** (0,05)	-0,45*** (0,04)	-0,26*** (0,08)	-0,20** (0,08)	-0,21** (0,08)
INTL ₂₀₀₇	-0,31*** (0,05)	-0,32*** (0,05)	-0,40*** (0,05)	-0,05 (0,08)	-0,05 (0,08)	-0,05 (0,09)
INTL ₂₀₁₁	-0,37*** (0,04)	-0,37*** (0,04)	-0,41*** (0,04)	-0,01 (0,06)	-0,03 (0,06)	-0,03 (0,07)
INTL ₂₀₁₅	-0,29*** (0,04)	-0,30*** (0,04)	-0,33*** (0,04)	-0,17*** (0,05)	-0,13** (0,05)	-0,14** (0,05)
INTL ₂₀₁₉	-0,23*** (0,03)	-0,24*** (0,03)	-0,26*** (0,04)	-0,04 (0,06)	-0,03 (0,06)	-0,03 (0,06)
Константа	15,67*** (0,57)	10,06*** (0,61)	10,23*** (0,52)	20,01*** (0,22)	12,59*** (0,31)	10,64*** (0,33)
Pseudo log-likelihood	-1,86e+12	-1,86e+12	-1,86e+12	-3,03e+12	-3,04e+12	-3,07e+12
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
RESET-test	0,28	0,37	0,08	0,02	0,02	0,02

Примечания. 1–3 – разные зависимости в рамках модели (3); 4–6 – разные зависимости в рамках модели (4).
* p < 0,10; ** p < 0,05; *** p < 0,01; автокорреляция учитывалась в форме расчета Ньюи-Веста; в скобках указаны значения стандартных ошибок; INTL отражает значения эффекта границ, 2023 год является базовым. Здесь и далее показатель Δ рассчитан как (e^β-1)×100%.
Источник: расчеты автора.

⁵⁸ Является единственным исключением, поскольку между 1992 и 1995 годами интервал составляет четыре года. Данный год был добавлен для учета влияния соглашений до создания ВТО.

Следует заметить, что поверхностные интеграционные соглашения (*NONDTA*) способствовали значительному увеличению торговли между странами АТР в долгосрочном периоде – в среднем на 46,0%, при этом сдерживая на 47,5% приток ПИИ. Полученные оценки указывают на то, что в рамках поверхностных интеграционных соглашений наблюдалось вытеснение инвестиционных потоков между странами региона за счет стимулирования исключительно торговли. В свою очередь страны АТР, создавшие друг с другом глубокие интеграционные соглашения (*DTA*), увеличили обоюдную торговлю в среднем на 15,5%, а приток ПИИ – на 23,6%. Исходя из этого, глубокие интеграционные соглашения стимулировали обмен и товарами, и прямым капиталом между странами АТР, указывая в целом на создание условий для комплементарности между торговлей и ПИИ в регионе при более продвинутых форматах экономического сближения. Данная комплементарность в явном виде указывает на создание в АТР вертикальных форм ПИИ для стимулирования торговли промежуточными товарами в рамках производственного процесса между различными странами для выпуска готовой продукции со сравнительно низкими издержками. Это подтверждается, в частности, оценками, полученными для ключевых стран и объединений Восточной Азии – КНР, Японии, Кореи и АСЕАН (Изотов, 2023b; Li, Kawasaki, 2014; Whalley, 2017).

Помимо снижения общих рисков для инвестирования, привлечение ПИИ требует нивелирования различного рода барьеров доступа в те или иные национальные экономики, что может быть достигнуто при глубоких интеграционных форматах для последующего развития сравнительных преимуществ стран в рамках стратегии расширения экспорта товаров. При этом, однако, как показали оценки, долгосрочный накопленный торговый эффект поверхностных интеграционных соглашений был выше, чем глубоких интеграционных соглашений. Данное обстоятельство может быть объяснимо как минимум двумя причинами. Во-первых, освоение за счет притока ПИИ национальных рынков стран-реципиентов в некоторой степени подавляло экспорт товаров из

стран-доноров прямых инвестиций. Во-вторых, специфика временного периода функционирования двух типов интеграционных соглашений: глубокие интеграционные соглашения заключались в 2000-е гг., в то время как поверхностные интеграционные соглашения снижали торговые барьеры между странами АТР задолго до этого.

Проведенная оценка указала на отличие динамики сравнительных совокупных издержек (*INTL*) для торговли и инвестиций при взаимодействиях между странами АТР. Для торговли наблюдалась в целом поступательная динамика сокращения издержек, которые снизились к 2023 году по отношению к 1992 году на 54%, т. е. $(e^{-0,78}-1) \times 100\%$. Для всех анализируемых лет коэффициенты при переменной *INTL* были статистически значимыми, что указывает на стремление всех стран выборки к свободной торговле товарами в АТР (Изотов, 2023b). В свою очередь издержки инвестиционных взаимодействий между странами АТР снижались не так однозначно, как в случае торговли. Оценки показали более низкие значения издержек инвестиционных взаимодействий в первой половине 1990-х гг. по сравнению с 2023 годом, поскольку отношение ПИИ к внутренним отечественным капиталовложениям в последнее десятилетие XX века было выше, чем в последующие рассматриваемые годы. Статистическая незначимость переменной *INTL* для инвестиционных взаимодействий в некоторые рассматриваемые годы могла быть вызвана искажающим воздействием внешнеполитической конфронтации в АТР, а также трансформацией производственной кооперации в связи с переходом ряда экономик региона от торговли промежуточными товарами к товарообмену готовой продукцией (Изотов, 2023b). Тем не менее, отталкиваясь от статистически значимых оценок переменной *INTL*, к 2023 году наблюдалось сокращение барьеров притока ПИИ относительно начала 2000-х гг. и середины 2010-х гг., что свидетельствует о некотором сближении экономик АТР в рамках инвестиционных взаимодействий.

Далее для торговли и инвестиций были получены оценки совокупного накопленного эффекта интеграции между странами АТР (табл. 2).

Таблица 2. Результаты оценок (1) и (2) и разница между эффектами

Переменная	X			FDI		
	1	2	3	4	5	6
PTA	0,60*** (0,04)	–	–	0,01 (0,10)	–	–
DTA	–	0,57*** (0,05)	–	–	0,21** (0,09)	–
NONDTA	–	–	0,81*** (0,17)	–	–	-0,49** (0,23)
Δ, %	82,1	76,6	125,1	–	23,6	-38,9
Константа	9,77*** (0,47)	14,87*** (0,36)	15,29*** (0,48)	23,03*** (0,41)	16,64*** (0,72)	20,79*** (0,82)
Pseudo log-likelihood	-2,09e+12	-2,11e+12	-2,31e+12	-3,30e+12	-3,31e+12	-3,34e+12
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
RESET-test	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01
Эффект глобализации, %	60,2	61,1	79,1	–	0	8,6

Примечания. 1–3 – разные зависимости в рамках модели (1); 4–6 – разные зависимости в рамках модели (2).
 p < 0,05; *p < 0,01; автокорреляция учитывалась в форме расчета Ньюи-Веста; в скобках указаны значения стандартных ошибок.
 Эффект глобализации рассчитан как разница между совокупным накопленным эффектом интеграции (табл. 2) и накопленным эффектом интеграции (Δ, %; табл. 1).
 Источник: расчеты автора.

С точки зрения направленности реакций оценки совокупного накопленного эффекта интеграции между странами АТР выявили положительное влияние на торговлю интеграционных соглашений в целом (*PTA*), глубоких (*DTA*) и поверхностных (*NONDTA*) интеграционных соглашений, которое заметно превосходило непосредственное воздействие данных соглашений в рамках процесса регионализации (см. табл. 1). В свою очередь для инвестиционных взаимодействий совокупный накопленный эффект интеграции (см. табл. 2) был сопоставим с аналогичным показателем непосредственного влияния интеграционных соглашений на обмен капиталом (см. табл. 1). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что процесс глобализации заметно стимулировал только торговые взаимодействия и в целом инвариантно воздействовал на потоки прямых инвестиций между странами АТР, подписавшими интеграционные соглашения. При этом процесс глобализации хотя и смягчал негативное влияние поверхностных интеграционных соглашений на обмен ПИИ между странами АТР, но несущественно. Необходимо учитывать, что в мировой экономике торговля товарами стимулируется ВТО, а для прямых инвестиций такого рода интеграционного формата

не существует⁵⁹. Поэтому полученные оценки дают основание утверждать, что в рамках проблематики снижения барьеров инвестиционные взаимодействия в АТР определялись глубокими интеграционными соглашениями, требующими обоюдного эндогенного снижения ограничений для потоков капитала. При прочих равных условиях в случае отсутствия подобного рода интеграционных соглашений долгосрочные ожидания притока ПИИ в страны АТР в целом были безосновательными, в отличие от торговых взаимодействий, которые стимулировались в том числе глобальной экономической конъюнктурой и членством экономик в ВТО.

Заключение

В связи с отсутствием возможностей создания более продвинутых форм интеграции на глобальном уровне стали все более отчетливо выделяться две крупные группы интеграционных соглашений – поверхностные и глубокие. Значительное распространение интеграционных соглашений наблюдается в АТР, занимающем лидирующее место в мире по размеру

⁵⁹ Всемирный банк, МВФ и субглобальные банки развития осуществляют сравнительно небольшие объемы прямых инвестиций исключительно как международные организации, а не в рамках двусторонних взаимодействий между странами.

экономики, торговли и ПИИ. Обмен товарами и прямым капиталом в рамках АТР является основным источником внешнеэкономических взаимодействий стран региона благодаря снижению различного рода барьеров, в том числе в связи с заключением двух- и многосторонних глубоких и поверхностных интеграционных соглашений. Вплоть до начала 2000-х гг. основную роль в рамках процесса регионализации в АТР играли поверхностные интеграционные соглашения, а с первой половины 2000-х гг. — глубокие интеграционные соглашения. При этом оценки долгосрочного сравнительного влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР изучены недостаточно полно. Поэтому в настоящем исследовании на основе гравитационного моделирования были оценены накопленные эффекты поверхностных и глубоких интеграционных соглашений, поскольку в долгосрочном периоде их воздействие на торговлю и приток ПИИ является отложенным.

Полученные оценки указали на стимулирующее воздействие любых интеграционных соглашений на торговлю между странами АТР, способствующее ее увеличению в среднем на 21,9% при инвариантности их влияния на приток ПИИ. Поверхностные интеграционные соглашения между странами АТР снижали приток ПИИ на 47,5% и способствовали увеличению торговли на 46% в среднем за период. В свою очередь страны АТР, заключившие глубокие интеграционные соглашения, увеличили обоюдную торговлю на 15,5%, а приток ПИИ — на 23,6%. Исходя из этого, в рамках АТР для целей притока ПИИ поверхностные и глубокие интеграционные соглашения конфликтовали друг с другом. Долгосрочный накопленный торговый эффект первых был выше, чем вторых. Данный парадокс объясняется подавлением прямых инвестиций торговлей товарами, а также более длительным функционированием поверхностных интеграционных соглашений. Тем не менее глубокие интеграционные соглашения стимулировали обмен и товарами, и прямым капиталом между странами АТР, указывая на создание в регионе условий для комплементарности между торговлей и ПИИ в рамках более продвинутых форматов сближения для снижения издержек производственной кооперации.

Как показала оценка совокупного накопленного эффекта интеграции, процесс глобализации заметно стимулировал только торговые взаимодействия и в целом инвариантно воздействовал на потоки прямых инвестиций между странами АТР, заключившими интеграционные соглашения. Поэтому в рамках проблематики снижения барьеров во взаимодействиях между экономиками АТР инвестиционные взаимодействия определялись глубокими интеграционными соглашениями, требующими обоюдного снижения ограничений для потоков капитала между странами. Стратегия пассивного ожидания притока ПИИ в страны АТР в надежде на благоприятную глобальную экономическую конъюнктуру в долгосрочной перспективе в целом была неэффективной, в отличие от торговли, которая стимулировалась в том числе членством стран в ВТО. Данное обстоятельство указывает на то, что обмен прямыми инвестициями в АТР был более требовательным к имеющимся барьерам экономических взаимодействий, а также менее гибким и более индивидуальным по отношению к странам-реципиентам ПИИ в отличие от торговли.

Оценка совокупного накопленного эффекта интеграции также указала на отличие динамики сравнительных совокупных издержек для торговли и инвестиций при взаимодействиях между странами АТР. Для торговых взаимодействий наблюдалась в целом поступательная динамика сокращения издержек. В свою очередь издержки для инвестиционных взаимодействий между странами снижались не так однозначно, как в случае торговли. Тем не менее к 2023 году наблюдалось сокращение барьеров притока ПИИ относительно начала 2000-х гг. и середины 2010-х гг., что указывает в определенной мере на сближение экономик в рамках инвестиционных взаимодействий.

Полученные оценки для АТР в целом дают основание утверждать, что сформированный каркас интеграционных соглашений как глобального, так и регионального уровня будет поддерживать торговые отношения на основе сочетания принципов «политической» лояльности и экономической целесообразности при заключении глубоких интеграционных форматов между странами региона. Одновременное участие стран в «прокитайском» и «проамери-

канском» торговых форматах сглаживает будущие разногласия между странами региона, сдерживая процесс фрагментации в АТР (Wei et al., 2022; Park, 2020). Важным аспектом в интенсификации привлечения прямых инвестиций из-за рубежа в рамках глубоких интеграционных соглашений, по всей видимости, может стать их качественное содержание (Osnago et al., 2019). Долгосрочное стимулирование притока ПИИ в страны АТР может основываться на сочетании стратегии снижения различного рода эндогенных рисков для инвестирования и заключения глубоких интеграционных форматов для последующего развития сравнительных преимуществ стран с целью перспективного усиления их экспортной специализации и расширения емкости внутренних рынков.

Следует заметить, что Россия, как одна из стран АТР, была преимущественно реципиентом ПИИ от экономик данного региона. В условиях введенных широкомасштабных санкций в 2022 году прежний объем поступлений ПИИ из стран АТР в российскую экономику значительно сократился при сохранении торговли в основном с дружественными странами региона, а также в рамках товарных ниш, на которые не распространились указанные ограничения. До введения широкомасштабных санкций Россия не создала сеть глубоких интеграционных соглашений со странами АТР, за исключением единственной ЗСТ+ с Вьетнамом.

По этой причине в новых условиях привлечение ПИИ в российскую экономику на основе механизмов регионализации является довольно проблематичным, особенно в условиях возможного введения вторичных санкций со стороны западных стран. Для заметного увеличения российского экспорта сырьевых товаров, по всей видимости, интеграционные соглашения не будут столь эффективны, как для экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, выпуск которых нуждается в зарубежных технологиях и капитале для участия в международной производственной кооперации. При этом, как показывают оценки (Kimura et al., 2021), снижение торговых и инвестиционных барьеров в рамках реализации интеграционных соглашений между странами АТР в среднесрочной перспективе будет положительно влиять на экономические показатели стран региона, поддерживая высокий спрос на импорт сырьевых товаров, в частности поступающих из России на китайский рынок. Результаты исследования указывают на необходимость поддержания Россией как минимум чистого экспорта товаров, переключившись на внутренние источники финансирования и создания эксклюзивных условий для прямых капиталовложений из-за рубежа, как максимум привлечения капитала из дружественных стран АТР, в том числе на основе создания с ними глубоких интеграционных соглашений.

Литература

- Афонцев С.А. (2020). Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9
- Изотов Д.А. (2020). Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.5
- Изотов Д.А. (2023а). Влияние географических факторов в расширении торговых взаимодействий между странами (на примере АТР) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 38–54. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.2
- Изотов Д.А. (2023б). Отраслевой аспект расширения торговли в Западной макроне АТР: роль глобальных форматов // Пространственная экономика. Т. 19. № 4. С. 117–144. DOI: 10.14530/se.2023.4.117-144
- Изотов Д.А. (2023с). Участие стран в ГАТТ/ВТО и торговля в АТР: оценка долгосрочных эффектов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 3. С. 48–73. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-03
- Изотов Д.А. (2024). Приток прямых иностранных инвестиций в страны АТР: влияние политических и экономических рисков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4. С. 136–150. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/136-150

- Потапов М. (2025). Обострение противоречий между КНР и США и перспективы двусторонних экономических отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 69. № 6. С. 92–102. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-6-92-102
- Aiyar S., Malacrino D., Presbitero A.F. (2024). Investing in friends: The role of geopolitical alignment in FDI flows. *European Journal of Political Economy*, 83, 102508. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2024.102508
- Anderson J.E., Larch M., Yotov Y.V. (2019). Trade and investment in the global economy: A multi-country dynamic analysis. *European Economic Review*, 120, 103311. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2019.103311.
- Baldwin R., Ruta M. (2025). *The State of Globalisation*. CEPR Press. International Monetary Fund. Available at: https://cepr.org/system/files/publication-files/255049-the_state_of_globalisation.pdf
- Baldwin R., Taglioni D. (2007). Trade effects of the Euro: A comparison of estimators. *Journal of Economic Integration*, 22, 780–818. DOI: 10.11130/jei.2007.22.4.780
- Bollard A., Mayes D. (1992). Regionalism and the Pacific Rim. *Journal of Common Market Studies*, 30, 195–210. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1992.tb00427.x
- Borghi E., Helg R., Tajoli L. (2024). How deep is the impact of deep trade agreements? An empirical analysis on a large sample. *Italian Journal of Economic, Demographic and Statistical Studies*, LXXVIII, 207–218. DOI: 10.71014/sieds.v78i3.311
- Bouët A., Berisha-Krasniqi V., Estrades C., Laborde D. (2012). Trade and investment in Latin America and Asia: Perspectives from further integration. *Journal of Policy Modeling*, 34, 193–210. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2011.09.004
- Campos R.G., Timini J., Vidal E. (2021). Structural gravity and trade agreements: Does the measurement of domestic trade matter? *Economics Letters*, 208, 110080. DOI: 10.1016/j.econlet.2021.110080
- Chaisse J., Hsieh P.L. (2023). Rethinking Asia-Pacific regionalism and new economic agreements. *Asia Pacific Law Review*, 31, 451–468. DOI: 10.1080/10192557.2023.2216056
- Ing L.Y., Richardson M., Urata S. (2019). *East Asian Integration Goods, Services and Investment*. Routledge-ERIA Studies in Development Economics. Routledge. Available at: <https://www.eria.org/research/east-asian-integration-goods-services-and-investment>
- Hassan A.S. (2022). Does country risk influence foreign direct investment inflows? A case of the Visegrád Four. *Economies*, 10, 1–22. DOI: 10.3390/economies10090221
- Herz B., Wagner M. (2011). The dark side of the generalized system of preferences. *Review of International Economics*, 19, 763–775. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2011.00980.x
- Hummels D., Ishii J., Yi K.M. (2001). The nature and growth of vertical specialization in world trade. *Journal of International Economics*, 54, 75–96. DOI: 10.1016/S0022-1996(00)00093-3
- Jackson K., Shepotylo O. (2023). Transforming East Asia: Regional integration in a trade war era. *Open Economies Review*, 34, 657–672. DOI: 10.1007/s11079-022-09698-y
- Kawasaki K. (2014). The relative significance of EPAs in Asia-Pacific. In: *RIETI. Discussion Paper Series 14-E-009*. Available at: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/14e009.pdf>
- Kimura F., Pangestu M., Thangavelu S.M., Findlay C. (2021). Handbook on East Asian economic integration. In: *Edward Elgar Publishing. Issue 18644*. Available at: <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781788975155/9781788975155.xml>
- Kox H.L.M., Rojas-Romagosa H. (2019). Gravity estimations with FDI bilateral data: Potential FDI effects of deep preferential trade agreements. *EUI Working Paper RSCAS*, 2019/70. Available at: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/64229>
- Kox H.L.M., Rojas-Romagosa H. (2020). How trade and investment agreements affect bilateral foreign direct investment: Results from a structural gravity model. *The World Economy*, 43, 3203–3242. DOI: 10.1111/twec.13002
- Lakatos C., Walmsley T. (2012). Investment creation and diversion effects of the ASEAN–China free trade agreement. *Economic Modelling*, 29, 766–779. DOI: 10.1016/j.econmod.2012.02.004
- Larch M., Shikher S., Yotov Y.V. (2025). *Estimating Gravity Equations: Theory Implications, Econometric Developments, and Practical Recommendations*. Center for Global Policy Analysis. LeBow College of Business. Drexel University. CGPA Working Paper 2025-01. Available at: <https://www.lebow.drexel.edu/sites/default/files/2025-01/wp2025001-gravity-equations.pdf>

- Larch M., Yotov Y.V. (2023). Deep trade agreements and FDI in partial and general equilibrium: A structural estimation framework. *The World Bank Policy Research Working Papers*, 10338. DOI: 10.1596/1813-9450-10338
- Larch M., Yotov Y.V. (2024). Regional trade agreements: What do we know and what do we miss? *FIW Policy Brief*, 64. Available at: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2024/10/64_FIW_PB_LarchYotov.pdf
- Li C., Whalley J. (2017). How close is Asia already to being a trade bloc? *Journal of Comparative Economics*, 45, 847–864. DOI: 10.1016/j.jce.2016.08.001
- Martínez-Galán E., Fontoura M.P. (2019). Global value chains and inward foreign direct investment in the 2000s. *The World Economy*, 42, 175–196. DOI: 10.1111/twec.12660
- Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. (2022). Trade creation and trade diversion in deep agreements. *Canadian Journal of Economics*, 55, 1598–1637. DOI: 10.1111/caje.12611
- Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (2020). The evolution of deep trade agreements. *Handbook of Deep Trade Agreements*, 1–43. Available at: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/685311594363725995/handbook-of-deep-trade-agreements>
- Osnago A., Rocha N., Ruta M. (2019). Deep trade agreements and vertical FDI: The devil is in the details. *Canadian Journal of Economics*, 52, 1558–1599. DOI: 10.1111/caje.12413
- Park C.-Y., Petri P.A., Plummer M.G. (2021). The Economics of Conflict and Cooperation in the Asia-Pacific: RCEP, CPTPP and the US-China Trade War. *East Asian Economic Review*, 25, 233–272. DOI:10.11644/KIEP.EAER.2021.25.3.397
- Park I. (2020). Regional trade agreements in East Asia: Past and future. *Development Policy Review*, 38, 206–225. DOI: 10.1111/dpr.12418
- Park S. (2025). Uncertainty, deep regional trade agreements, and global value chain trade. *East Asian Economic Review*, 29, 243–267. DOI: 10.11644/KIEP.EAER.2025.29.2.449
- Petri P.A., Abdul-Raheem A. (2014). Can RCEP and the TPP be pathways to FTAAP? *SSRN*, 21. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2513893>
- Pomfret R., Sourdin P. (2009). Have Asian trade agreements reduced trade costs? *Journal of Asian Economics*, 20, 255–268. DOI: 10.1016/j.asieco.2009.02.007
- Ravenhill J. (2006). US and EU regionalism: The case of the Western Pacific Rim. *The International Trade Journal*, 20, 219–261. DOI: 10.1080/08853900600620191
- Santos Silva J.M.C., Tenreyro S. (2006). The log of gravity. *Review of Economics and Statistics*, 88, 641–658. DOI: 10.1162/rest.88.4.641
- Steenbergen V., Liu Y., Latorre M.P., Zhu X. (2022). *The World Bank's Harmonized Bilateral FDI Databases: Methodology, Trends, and Possible Use Cases*. The World Bank, 2022/05/31. Available at: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/099800006252213235>
- Wei J., Gao Y., Elahi E. (2022). China's integration in the Asia-Pacific regional economic cooperation. *Frontiers in Psychology*, 13, 951413. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.951413
- Yotov Y.V. (2022). Gravity at sixty: The workhorse model of trade. *CESifo Working Paper*, 9584. DOI: 10.2139/ssrn.4037001
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. (2016). *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*. United Nations and World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtounctad2016_e.pdf

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov80@yandex.ru)

Izotov D.A.

Trade and Investment Interactions in the Asia-Pacific Region: Effects of Integration Agreements

Abstract. The aim of the work is to provide a long-term assessment of the impact of integration agreements on trade and investment interactions between Asia-Pacific countries in 1992–2023. It is determined that the Asia-Pacific region accounts for the largest share of trade and investment interactions worldwide, with intraregional trade in goods and direct capital flows being the main source. The study shows that, in terms of reducing trade and economic barriers between countries, integration agreements can be classified into shallow and deep agreements, with the Asia-Pacific region taking the lead in their creation. Based on a database compiled from various sources on trade and capital flows between Asia-Pacific countries, and using gravity modeling, the long-term cumulative effects of shallow and deep integration agreements on trade and the inflow of accumulated foreign direct investment (FDI) are estimated. The general stimulating effect of integration agreements on trade among Asia-Pacific countries was identified as increasing trade by an average of 21.9%, while their influence on FDI inflow was found to be invariant. We found that shallow integration agreements between Asia-Pacific countries reduced FDI inflows by 47.5% and promoted trade growth by 46.0%; as for deep integration agreements, they increased trade volumes between Asia-Pacific countries by 15.5% and FDI inflows by 23.6%. It was shown that, within the Asia-Pacific region, shallow and deep integration agreements conflicted with each other in terms of attracting FDI. Due to the suppression of FDI inflows by trade in goods and the longer duration of shallow agreements, their long-term cumulative trade effect was greater than that of deep agreements. Deep integration agreements encouraged both trade and direct capital flows between Asia-Pacific countries, pointing to the creation of conditions for complementarity between trade and FDI within more advanced formats of economic convergence aimed at reducing production cooperation costs. Unlike trade, FDI exchange in the Asia-Pacific region proved to be more sensitive to existing barriers to economic interaction and less flexible toward recipient countries of such investments.

Key words: trade, foreign direct investment, deep integration agreements, shallow integration agreements, gravity model, integration effect, globalization, regionalization, Asia-Pacific region.

Information about the Author

Dmitrii A. Izotov – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Статья поступила 20.07.2025.